

УДК 81'23:159.964.225

Смолянская А. И.

РИТМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

В статье анализируется один из важнейших признаков суггестивного текста – его особый ритм, который предполагает не только закономерное чередование формальных элементов, но и соответствующую соразмерную смысловую организацию текста, нацеленную на выражение доминантных смыслов. Рассмотрены также некоторые фоносемантические особенности терапевтической сказки.

Ключевые слова: терапевтический текст, суггестия, ритм, Интернет-пространство.

Смолянська А. І. Ритм і його вплив на сприйняття терапевтичного тексту (на матеріалі російськомовних Інтернет-ресурсів). – Стаття.

У статті аналізується одна з найважливіших ознак суггестивного тексту – його особливий ритм, який передбачає не тільки закономірне чергування формальних елементів, але й відповідну співзмірну смисловою організації тексту, націлену на вираження домінуючих смислів. Розглянуто також деякі фоносемантичні особливості терапевтичної казки.

Ключові слова: терапевтичний текст, суггестія, ритм, Інтернет-простір.

Smolyanskaya A. I. Rhythm and its influence on perception of the therapeutic text (based on Russian-language Internet resources). – Article.

Special rhythm as one of the most important signs of suggestive text is analyzed in the article. The rhythm of the therapeutic text assumes not only natural alternation of certain formal elements, but also the corresponding semantic organization of the text, which is aimed at the expression of dominant meanings. Some phonosemantic features of the therapeutic tale are also examined.

Key words: therapeutic text, suggestion, rhythm, Internet-space.

Современный Интернет представляет собой уникальное пространство, хаотизированное и перенасыщенное информацией, формирующее подходящую среду для осуществления наиболее эффективного воздействия на пользователей. Учеными «достаточно подробно описаны способы убеждения как аргументированного воздействия на личность», однако «наряду с убеждением существует и другая сфера коммуникативной деятельности, связанная с областью психоэмоционального воздействия, которая реализуется в акте внушения (суггестии)» [2, с. 3]. В Интернет-пространстве регулярно функционируют как информативные тексты, основной целью которых является, прежде всего, передача сообщений (истинных или ложных), так и суггестивные, нацеленные не столько на передачу информации, сколько на изменение психоэмоционального состояния реципиента.

В научной литературе принято выделять несколько типов воздействия на адресата – аргументацию, манипуляцию и суггестию. *Аргументация* предполагает апелляцию к логике, к доводам и выводам, при этом реципиенты *сознательно* принимают или не принимают предлагаемую точку зрения. В научном дискурсе аргументация является одним из важнейших инструментов воздействия. *Манипуляция* осуществляется с помощью различных приемов и тактик (*магия чисел, магия авторитетов* и др.), зачастую обманных, и предполагает внедрение в сознание реципиента целей, установок и желаний, не совпадающих с уже имеющимися у него целями, установками и желаниями. *Суггестия* предполагает *внушение* определенных установок, мыслей и желаний и

основывается на снижении критичности восприятия, при котором реципиент перестает логически анализировать воспринимаемую информацию и оценивать ее.

Объектом настоящего исследования является одна из разновидностей суггестивного текста – *терапевтический текст*.

В соответствии с классическим определением И.Р. Гальперина, «текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа; произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [4, с. 18].

В широком понимании под термином «текст» подразумевается системно и композиционно организованное, целостное, относительно законченное единство не только вербальных, но и невербальных компонентов [8]. Системная организованность текста предполагает невозможность изъятия той или иной единицы, входящей в состав текста, без потерь для его целостности.

Терапевтическими называются тексты, обладающие позитивным суггестивным потенциалом, т. е. оказывающие положительное влияние на психоэмоциональное состояние реципиента. Характерным для них является использование терапевтических метафор, семантических и лексических повторов, синонимов, различных модальностей (визуальной, аудиальной, кинестетической), ме-

тафор, эпитетов, сравнений и т. д. [9]. Определяющей характеристикой терапевтического текста, как показывают исследования, является *особый ритм*, который предполагает не только закономерное чередование неких формальных элементов, но и соответствующую соразмерную смысловую организацию текста, многократное повторение, варьирование тех или иных лексико-фразеологических средств, выражающих важные для внушения смыслы, наличие грамматических, фонетических повторов, работающих на закрепление доминантных смыслов [2, с. 4].

Цель статьи – анализ структуризации терапевтического текста и его ритмообразующих компонентов.

Как отмечает С.В. Болтаева, «лексический ритм в текстах реализуется эксплицитно (анафора, полный лексический повтор) и имплицитно, т. е. путем повторной репрезентации уже названного понятия с помощью синонимов его первичной номинации, названия его характерных свойств и признаков, использования словообразовательных дериватов, а также лексики, семантически близкой данному понятию на уровне ассоциаций» [2, с. 14]. «Повторяемость определенных элементов выстраивает ассоциативные связи внутри текста. Благодаря дистантным повторам текст воспринимается нелинейно, в результате чего возникает дополнительная подтекстовая информация, усиливающая эффект внушения» [2, с. 14].

Особой сложностью ритмического рисунка, по мнению С.В. Болтаевой, отличается заключительная часть текста, в которой соединяются и суммируются смыслы текста, подводятся итог внушению, представляются «ритмически организованные осложненные комплексы чередований» [2, с. 20], а изменение и перебивание ритма способствует повышению воздействующего потенциала текста [2, с. 20].

Различные ощущения, которые испытывает читатель во время чтения – «результат психологического и эмоционального воздействия, которое <...> создается при помощи ритма, а именно разного рода повторов на фонетическом, лексико-стилистическом, грамматическом и структурно-композиционном уровнях произведения» [1, с. 40]. Ритм способен проявляться в архитектонике текста, в системе используемых языковых средств. Все это формирует в пределах текста ритмическую структуру, проявляющуюся на всех уровнях и соединяющую их в единое целое.

Терапевтическим может быть как текст, созданный профессионалом, осознанно использующим средства суггестии, так и текст любительский, автор которого использует особый ритм и иные суггестивные приемы интуитивно. По мнению ученых, «главной функцией коммуникативного ритма вообще и ритма текста или высказывания

в частности может являться только актуализация их суггестии. Более того, с учетом ее значимости суггестивную функцию ритма целесообразно рассматривать и трактовать на всех уровнях ее актуализации как стратегическую» [6, с. 30].

А.Е. Наговицын отмечает, что восприятие и оценка текстов реципиентами основывается на их социальном и субъективном опыте и зависит от их картины мира, однако определяющим фактором все-таки является ритмо-фонетическая структура текста [7, с. 45].

Терапевтические тексты, публикуемые в Интернет-пространстве, как правило, являются поликодовыми, при восприятии поликодового текста формируется целостный ритмический рисунок, включающий в себя элементы каждой семиотической системы, формирующей текст.

Проанализируем особенности структуризации терапевтического текста на примере текста психотерапевта И. Семиной «Сказка про волшебное Перышко».

История Перышка из сказки – это своеобразная аналоговая модель поиска своего жизненного пути молодым человеком, испытывающим давление со стороны «умудренных опытом родственников». Так, родители Перышка хотят *замолвить словечко*, чтобы Перышко взяли на работу в *Самую Большую Подушку*, они пугают героя *Пылесосом*, в который непременно попадают все *легковесные, легкомысленные Перышки* и *отбившиеся от общей массы Перья-бунтари*. Легковесность и подвижность Перышка, порицаемые представителями Маленького Мирка, являются доминантами Большого Мира: Перышко изначально принадлежит Большому Миру и ищет путь, чтобы выбраться туда.

В тексте терапевтической сказки можно выделить две противопоставленные друг другу функционально-текстовые группы (далее – ФТГ): *Маленький Мирок – Большой Мир*. Контраст, возникающий в результате функционирования этих двух ФТГ, во многом обеспечивает суггестивный потенциал анализируемого текста.

Так, *Маленький Мирок* представляет собой замкнутое пространство, стабильное, неподвижное, в котором обитают *уставшие, слежавшиеся, придавленные перья*, пределом мечтаний которых является попасть на работу в *Большую Перьевую Подушку*; перья считают необходимым *держаться вместе, не разлетаться, быть как все, быть обычными, не выделяться* и не попасть в злоеший *Пылесос*.

Большой Мир, напротив, является *открытым, постоянно находящимся в движении, странным, прекрасным, красочным*, в нем живет *странный человек – Сказочница, жизнерадостная, необычная Дама в разноцветном*, к которой *приходит Вдохновение*, она пишет *Волшебные Самоиспол-*

няючіеся Сказки, в этом мире есть новые возможности и Свежий Ветер Перемен.

Сказку условно можно разделить на три части. Сначала Перышко находится дома, в Маленьком Мирке, где его критикуют, а его естественные качества (*легкость, невесомость, подвижность и непоседливость*) вызывают неодобрение: «Ну, что ты разлеталось?»; «Какое-то ты легковесное»; «Не удалось ты у нас»; «Все Перья как Перья, держатся вместе, не разлетаются. А ты? Куда тебя несет?». Далее Перышко попадает из своего Маленького Мирка в Большой Мир, где беседует с Воробьем, который принимает желание Перышка найти свое предназначение и помогает ему. В последней части Перышко попадает к Сказочнице, которую тут же охватывает Вдохновение, и она понимает, что перед ней – настоящее Волшебное Перышко. Во владениях Сказочницы порицаемая Перьями *легкость* превращается в *парение*, и перед Перышком открываются тысячи путей, которыми оно может пойти. Темп повествования в этой части сказки наиболее быстрый и живой: Сказочница танцует, радуясь появлению новой Сказки и Вдохновенного Перышка: *единственного, неповторимого, необычного, уникального, волшебного*.

Текст сказки изобилует повторами, формирующими ритмический рисунок на лексическом уровне; так, в начале сказки неоднократно используются слова *давить, давление, придавленный*. Речь идет о буквальном давлении на Перья в Подушке как аналоговой модели морального давления на человека («Ах, я вовсе не хочу, чтобы на меня давили!» – говорит Перышко). Лексемы со значением *давление, давить* входят в функционально-текстовую группу Маленького Мирка, при описании которого тема давления приобретает доминантный смысл, прежде всего, благодаря повторам: *перья усталые, слезавшиеся, помятые, придавленные*; в «правильном» Маленьком Мирке нельзя *отделяться от коллектива, от общей массы*.

В описании Большого Мира используется большое количество контекстуальных положительно-оценочных синонимов, которые создают повторы на лексическом уровне: Большой Мир – *прекрасный, уникальный, странный, жизнерадостный*, где даже *рисковость* Перышка не оценивается однозначно – ее «не то одобрил, не то осудил Воробей». В Большом Мире все *необычно, интересно*. Доминантным смыслом, формирующимся с помощью функционально-текстовой группы «Большой Мир», становится *свобода*, антонимичная *давлению* и несвободе Маленького Мирка.

Таким образом, формируются противопоставленные друг другу функционально-текстовые группы: *Маленький Мирок* (характеризующийся *давлением, теснотой, ощущением усталости, помятостью, отсутствием движения*) – *Большой*

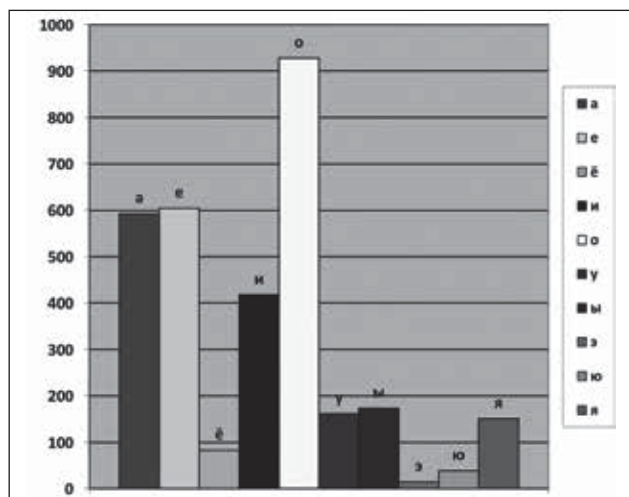
Мир (характеризующийся *свободой, движением, обилием цвета, новыми ощущениями, жизнерадостностью, разнообразием красок, парением, вдохновением*).

В тексте сказки автор также обращается к использованию визуальной, аудиальной и кинестетической модальностей: «Большой Мир оглушил Перышко обилием красок, звуков и совершенно новых ощущений» (краски, звуки и ощущения являются абстракцией, они обозначаются словами с размытой референцией, реципиент может сам наполнить эти слова значением и представить, о каких именно красках, звуках и ощущениях идет речь) – *пестренькое и нарядное блюдечко с какими-то зернами вперемешку с разноцветными сушеными ягодами; внизу мелькали дома и люди, деревья и водоемы, а сверху пригревало яркое весеннее солнышко; Дама в разноцветном*. Используются и эпитеты (*усталые, слезавшиеся, помятые, жизнерадостная, неповторимый*), метафоры («Ветерок приустал, наигрался и стал затихать» – «оживленная» с помощью сказуемых стертая метафора, персонифицирующая Ветер), сравнения (Сказочница «выглядела весело, как цветущая клумба»).

Активно используются в тексте сказки эмоциональные слова: что ты тут *разлеталось*, нельзя так *разбрасываться* (говорят взрослые Перья юному Перышку, осуждая его легкость, подвижность и интерес ко всему); Перышко *наслаждается* радостью полета, оно *обеспокоилось, взволновалось* (когда попало в Большой Мир и осознало свою Волшебную сущность); меня *прёт, пёр попёр* (воскликает Сказочница, радуясь нахождению Волшебного Вдохновенного Пера) и т. д. Выбор слова *Перышко* для обозначения главного героя также позволяет вызвать у реципиента положительные эмоции – уменьшительно-ласкательная форма вызывает положительные ассоциации.

А.П. Журавлев, основоположник экспериментальной фоносемантики, известный исследователь фоносемантической структуры слова и текста, отмечал, что фонетическая значимость текста ни автором, ни читателем не осознается, но автор чувствует эту значимость и подсознательно стремится организовать ее в соответствии с общей эмоциональной настроенностью произведения [5]. На основе эксперимента А.П. Журавлев присваивал звукам оттенки цвета и с помощью компьютерных программ анализировал целостные тексты [5, с. 151]. По мнению исследователя, чем светлее звуки, наполняющие текст, тем светлее тон звучания всего текста. Используя методику А.П. Журавлева, мы проанализировали фоносемантическую структуру текста терапевтической сказки. Диаграмма 1 показывает, например, как распределилось количество гласных в тексте сказки. Гласные звуки на диаграмме обозначены пред-

ложенными А.П. Журавлевым цветами. Наибольший количественный показатель – у звука «О», обозначаемого по А.П. Журавлеву светло-желтым либо белым цветом, то есть основной тон звучания текста – светлый. Также благодаря звуку «О» и близкому к нему «Ё» созвучными становятся слова *Пёрышко, Свобода, Большой Мир*.

**Диаграмма 1. Гласные в тексте
«Сказки про Волшебное Пёрышко»**

Для выявления суггестивного потенциала текста анализируемой терапевтической сказки был проведен опрос читателей. В опросе приняли участие 100 студентов в возрасте 17–23 лет. Респондентам предлагалось ознакомиться со сказкой и ответить на вопросы: «Понравился ли вам этот текст? Вызвал ли он у вас какие-либо чувства? Если да, какие?»

Из 100 респондентов 87 ответили положительно («Да, понравился») и оставили такие комментарии:

«До сих пор вспоминаю, как мама отговаривала от поступления на архитектурный и хотела, чтоб я пошла на менеджмент. Потом она все-таки согласилась с моим выбором и сейчас во всем поддерживает. Текст вызвал эти воспоминания и теплые чувства, потому что тот период закончился, и теперь у нас все хорошо. Как у Пёрышка!»

«Сказка понравилась, добрая такая. Хочется верить, что и я найду свое место в жизни.»

«После прочтения почему-то ощутила радость. Очень неожиданно, потому что читать по учебе приходится много, и тексты через себя пропускаешь без эмоций, устаешь от них. Улыбку вызвал, вроде и наивно все, и прозрачно, а все равно трогательно.»

«У меня таких проблем не было, как у Пёрышка, но все равно понимаю, о чем речь. Сказка очень позитивная, вызывает приятные чувства.»

«Сказка очень забавная, от души посмеялась над старыми перьями и пылесосом!»

Примечательно также то, что не оказалось респондентов, которые написали бы, что текст им не понравился. 13 участников опроса отметили, что текст *«не вызвал эмоций»*.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данный текст обладает довольно высоким терапевтическим потенциалом.

Проведенный анализ продемонстрировал ведущую роль ритма суггестивного текста в системе иных средств воздействия. Исследования ритмической структуры текстов (как терапевтических, так и патогенных) являются актуальными и требуют дальнейшей проработки.

Литература

1. Бойчук Е.И. Восприятие ритма прозаического текста / Е.И. Бойчук // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита : Молодой ученый, 2011. – С. 39–44.
2. Болтаева С.В. Ритмическая организация суггестивного текста : автореферат дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С.В. Болтаева. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 173 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с.
5. Журавлев А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлев. – М. : Просвещение, 1991. – 242 с.
6. Калита А.А. Суггестивный потенциал ритмической системы прозаического текста / А.А. Калита // Когнитивия, коммуникация, дискурс. – 2015. – № 11. – С. 29–44.
7. Наговицын А.Е. Особенности ритмо-фонетической структуры текста : Смысловое наполнение фонетических знаков / А.Е. Наговицын. – М. : МПСИ: Флинта, 2005. – 408 с.
8. Петрова Н.В. Современные тенденции понимания термина «текст» / Н.В. Петрова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://svarkhipov.narod.ru/vip/pet.htm>.
9. Смолянская А.И. Терапевтический текст в Интернет-пространстве: особенности, виды, суггестивный потенциал / А.И. Смолянская // Science and Education a New Dimension, Philology, V(28), is. 115. – 2017. – С. 42–46.
10. Хлыстова А.В. Инновационные методы анализа суггестивной образности художественного текста / А.В. Хлыстова // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2014. – № 2(14). – С. 32–36.